

— Де Грассены еще не были у вас сегодня?

— Нет еще, — отвечал Гранде.

— Да будут ли они еще? — спросил старый нотариус, сделав гримаску, выражавшую сомнение.

— Я думаю, что будут, — отвечала госпожа Гранде.

— Удалось ли вам убрать виноград ваш? — спросил президент де Бонфон старика Гранде.

— Как же-с, удалось! — самодовольно отвечал бочар и, встав с своего места, охорашиваясь, начал ходить по комнате.

Остановившись в дверях, которые вели в коридор, он увидел 10 у Нанеты свечку. Не смея быть в зале и скучая без дела, она села в кухне за свою самопрялку.

Гранде пошел на кухню.

— Зачем здесь еще свечка? Затуши ее и ступай к нам в залу! Что тебе тесно там, что ли? достанет места для твоей самопрялки.

— Ах! да у вас, сударь, будет много гостей!

— А ты чем хуже моих гостей? Мы все от ребра Адамова, — ты так же, как и другие.

Воротясь в залу, Гранде спросил президента:

— Вы продали вино, господин президент?

— Нет! берегу, — отвечал президент. — Теперь вино хорошо, через год еще будет лучше. Ведь вы сами знаете, все виноградчики согласились держаться в настоящей цене и не уступать бельгийцам. Уедут, опять воротятся.

— Хорошо, хорошо, — так не уступать же, — сказал Гранде.

— Бьюсь об заклад, что он уж торгуется, — сказал Крюшо потихоньку.

Раздался стук молотка и возвестил прибытие де Грассенов, 30 расстроивших преназидательный разговор аббата с госпожою Гранде.

Госпожа де Грассен была свеженькая, розовенькая, пухленькая, и принадлежала к числу тех женщин, которые и в сорок лет не стареются. Такие женщины похожи на поздние розы. Цветы не ярки, бледны, запах не слышен, но на взгляд они всё еще хороши. Госпожа де Грассен одевалась со вкусом, выписывала моды из Парижа, давала вечера и была образцом всех дам сомюрских.

Муж ее, банкир де Грассен, был отставной квартирмейстер 40 наполеоновской армии. Раненный под Аустерлицем, он вышел в отставку. Он любил выказывать откровенные, грубые приемы старого солдата и даже не оставлял их в разговоре с самим господином Гранде.